ПОСЛАНЕЦ СОЛНЦА

Сто лет назад родился художник Ладо Гудиашвили

Огромный дом в центре Тбилиси, рядом с которым скоро будет открыт памятник Гудиашвили, когда-то принадлежал светлейшим грузинским князьям. На паркете, ныне скрипящем в такт походке дочери художника Чукурты, когда-то отплясывали мазурки и вальсы Пушкин, Лермонтов... Эти стены помнят тихий голос Мандельштама, тосты Гумилева, первые чтения перевода «Гамлета» Пастернаком...

— Паркет папа не разрешал менять, и вы уже понимаете, по какой причине, — говорит дочь художника, в прошлом репетитор классического балета. — И не поменяем никогда. Никому я не рассказывала, что в раннем детстве папа играл на скрипке и был влюблен в музыку. Но эмоции настолько захватывали его, что у ребенка начались сердечные боли, и врач запретил музыку. Тогда-то он и взял в руки кисть. Будущему художнику исполнился всего годик, когда в газете «Кавказ» появилось письмо Ильи Репина «Нужна ли школа искусств в Тифлисе». «Нельзя же думать, — писал Илья Ефимович, — чтобы такая удивительная по своему характеру страна не рождала художественных сил. Я верю, что художественная пора Кавказа впереди... Там в вековой агонии томился Прометей. Кровь и слезы его станут со временем прекрасными, горячими цветами искусства, его вопли отразятся в поэзии и музыке, его священный огонь воспитает могучий дух в сердцах избранных творчества».

Репин оказался пророком. Художник, завоевавший вместе с Пиромсани мировое признание и ставший при жизни классиком, уже был рожден на свет. Ныне картины Гудиашвили можно увидеть в Лувре и Дрезденской галерее, в известнейших частных коллекциях.

Но большая часть, конечно, находится в Грузии. Сотни картин (Гудиашвили отличался плодотворностью) украшают стены этого дома. Но ни одного эскиза дочь не выставила на продажу. Она, ее супруг — оперный режиссер Гурам Мелива и их дочь Анано любовно и мужественно оберегают наследие художника.

Гудиашвили прожил долгую жизнь, но судьба его была драматической. «Передо мной засияло солнце», — воскликнул однажды Луначарский, встретившись с Гудиашвили. Но, увы, солнце это часто закрывали мрачные тучи гонений и хулы. Да, он избежал ареста и расстрела, но все остальные мытарства отцепенца, не желавшего писать портреты вождей в духе соцреализма, выпали на его долю. От голода художника спасали грузинские поэты, дававшие ему подработать на иллюстрациях своих сборников. Причем Гудиашвили даже не подписывался, зная, что это вызовет начальственный гнев.

Но это было позже, в годы сталинской диктатуры. А в 1919 году юный Ладо Гудиашвили покорила Париж своим творчеством, являющим многообразный синтез европейского искусства и Востока, сумел показать французам грузинский мир, который оказался для них таким экзотичным и одновременно понятным. Эта особенность дарования Гудиашвили сродни сути самой Грузии, расположенной на пересечении Запада и Востока, а синтез получился столь гармоничным благодаря энциклопедичности познаний художника, его великой любви к корням народного искусства, фрескам, древней архитектуре. С величайшим почтением превозносил он гений Андрея Рублева, Врубеля...

— Художники часто — люди со сложным характером. Бывало, что папа сердился на вас?

— Нет, не помню. Он учил меня жить, рассказы-

вая притчи. Старался, чтобы я сама отличала добро от зла. Так что выросла я на сказках народов мира, которых он знал бесчисленное множество.

Отец был жизнерадостным человеком и говорил, что свое плохое настроение необходимо прятать от других. Он танцевал с кастаньетами, играл и пел под гитару, но как ни странно, строгому укладу отдавал предпочтение перед богемным, был до крайности дисциплинирован и всякий день ранним утром выходил к мольберту в белой сорочке с галстуком. Работал всегда под музыку, причем ему нравилась не только классика, но и современные ритмы.

— Мне кажется, что дар Божий устремлял кисть Гудиашвили к безграничности солнечного света как символу добра, но разум оттенял этот свет драматическими «пятнами».

— Он часто говорил, что глядя на солнце, нельзя не быть счастливым. Его религия — христианство вселенского масштаба, где цветок, муравей, человек — все творения Бога, славящие создателя. Кажется, родившись, он уже знал, что надо любить ближнего, нельзя убивать, красть и т.д. Он находился на других высотах духа.

— На тех, где рождается великая живопись...

— Ее, кстати, спасали дважды, один раз моя мама, которую Бог послал отцу, чтобы не дать ему погибнуть. В середине 20-х отец вернулся в советскую Грузию. Он покинул Париж, где ему позировал Чаплин, а Алехин подсказал выигрышный ход во время шахматного сражения, где друзьями его были ныне признанные мастерами художники Монпарнаса...

На одной из выставок Гудиашвили юная Нина, приехавшая из провинции, сказала подруге: я мечтаю об огромном доме, где будут развешены эти картины... И мечту свою она осуществила. Спасала из огня картины, которые художник жег в часы отчаяния...

Грязная кампания поношения, травли отца продолжались долго. У него в доме собирались такие же гонимые таланты, обожавшие мою маму, которая умела создать атмосферу неприкосновенности, беззаботности... Она умерла всего несколько месяцев назад.

Трагизм положения отца особенно сказался в те дни, когда ему поручили расписать фресками стены Кашветской церкви. Верующие, с одной стороны, не приняли его исполненную зем-

ными соками, дышащую реальной жизнью Божию матерь, а коммунисты, с другой стороны, обливали грязью за отход от реализма. Поэтому он так и не закончил эту роспись.

В полном смысле смертельная опасность нависла над домом в дни гражданской войны пятилетней давности. Тогда мой супруг под перекрестным огнем эвакуировал самые ценные картины. Но я до сих пор не знаю, как мы спаслись. Ведь вокруг все погорело. Но, словно Божья мать, папина фреска спасла нас, простерла длань над этим домом. Пуля, влетевшая в окно, не разбила даже бутылку коньяка, которой, как и папе, исполняется сто лет. Она лишь звякнула по стеклу.

Последний раз папа сел за мольберт в саду на даче. Но дописать портрет внуки не успел. Инфаркт подкосил его.

...Что добавить к этим словам? Ладо Гудиашвили не просто живописец, в его картинах пылкий взор находит музыкальную гармонию, богатейшие ритмы, необычайную глубину цвета. Его искусство переживает еще не один «круглый» юбилей своего создателя...

Владимир САРИШВИЛИ.

ТБИЛИСИ.

9 апреля 1996 г.

Третья - с. 5